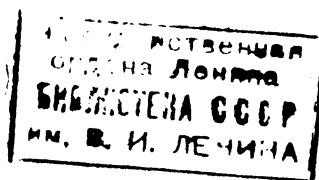

А. Введенский

U 391
U 3501

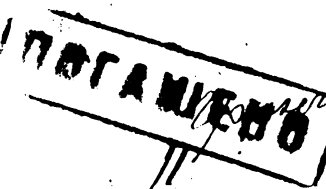

40328-46

95

ОБЩИЙ СМЫСЛЪ ФИЛОСОФИИ

Н. Н. СТРАХОВА.

Статья 2

Статья вторая.

I.

Выступая со своимъ протестомъ противъ односторонности точной науки, Н. Н. Страховъ ссылался на чувство и непосредственный опытъ.

„По приговору науки, — таковъ смыслъ его аргументаціи, — человекъ есть животное и, въ послѣднемъ анализѣ, просто сложная группа веществъ; но человекъ *не хочетъ* быть животнымъ и *протестуетъ* противъ толкованія его природы въ смыслѣ простой матеріи, — протестуетъ во имя своего внутренняго опыта“...

Не хочетъ и протестуетъ: вотъ въ чемъ его право на исключительное положеніе въ мірѣ!

Да! Но вѣдь и у науки есть свои: *не хочу и протестую.* Она требуетъ логически-ясныхъ аргументовъ и *не хочетъ* признавать глухихъ и темныхъ ссылокъ на чувство, *протестуетъ* противъ такихъ приемовъ полемики и аргументаціи...

Положеніе дѣла, казавшееся столь яснымъ и опредѣленнымъ сначала, какъ видимъ, осложняется и становится шаткимъ.

— Ты ссылаешься, — такъ нашептывалъ философу духъ-искуситель, — на чувство и внутренній опытъ. Какая наивность! Да развѣ ты не знаешь что ссылка *одного* человека на свой личный опытъ есть самый неубѣдительный аргументъ *для другаго*? Да и для тебя самого все ли въ твоей аргументаціи ясно? Изъ того что явленія внутренняго опыта для насъ всего несомнѣннѣе и достовѣрнѣе слѣдуетъ ли что они всего доступнѣе для познанія и даже что они вообще для него доступны? Всмотрись пристальнѣе, и ты увидишь что внутренній

міръ ускользаетъ отъ тѣхъ простыхъ приемовъ познанія какими мы познаемъ міръ внѣшній и требуетъ какихъ-то обратныхъ приемовъ и особенныхъ усилій. Совсѣмъ другое дѣло міръ, внѣшній! Къ нему свободно и правильно могутъ быть приложены всѣ наши познавательные способы и силы. Доказательство налицо. Когда человечество было занято своею внутреннею жизнью, когда чувство и фантазія говорили такъ сильно, что не было мѣста холодному и спокойному изслѣдованію, — оно въ своемъ познаніи не двигалось впередъ. Напротивъ, когда силою философскаго отвлеченія мы отняли у природы всякую жизнь, когда пріучились не обращать вниманія на красоту и выразительность ея явлений, а стали смотрѣть на нее какъ на мертвый механизмъ, — тогда мы открыли тѣ законы которымъ подчиненъ этотъ механизмъ и продолжаемъ безъ конца открывать подробности его устройства. Нѣтъ, въ сравненіи со свѣтлымъ міромъ вещественной природы, душа есть область темная и таинственная, которая едвали допускаетъ тѣ же самыя приемы изслѣдованія. И какъ же, послѣ всего этого, апеллировать противъ приговора науки въ свидѣтельству непосредственнаго чувства и внутренняго опыта?!...

Такъ говорилъ духъ-искуситель. Его голосъ звучалъ такъ искренно, и аргументы казались такъ убѣдительными что философъ невольно поддавался ихъ обаянію.

— Да, — сказалъ онъ, — внѣшній міръ — вотъ „настоящій предметъ нашего познанія, нашъ настоящій объектъ“. * И это признаніе вырва-

* Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и философіи. Слб. 1886. Стр. 32.

лось у него не случайно. Нѣтъ, онъ развилъ его на нѣсколькихъ страницахъ, * подробно комментировалъ и притомъ именно тѣми самыми ображеніями которыя мы только-что изложили, и которыя, очевидно, всего болѣе годились не для него, а для его противника.

Вопросъ, такимъ образомъ, осложнялся еще болѣе, и философу понадобился, употребляя его собственное выраженіе, нѣкоторый „особенный поворотъ мысли“ чтобы, сдѣлавъ эти допущенія, уйти отъ тѣхъ выводовъ съ которыми они стоятъ въ необходимой логической связи, и противъ которыхъ онъ возвысилъ протестъ во имя фактовъ своего внутренняго опыта,—отъ выводовъ по которымъ человѣкъ есть животное и т. д.

Будущему біографу философа предстоитъ не легкая задача выяснить тотъ психологическій процессъ которымъ совершился этотъ особенный „поворотъ“ въ мысли философа. Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ здѣсь предъ собою несомнѣнный фактъ „Поворотъ“ дѣйствительно совершился: съ точки зрѣнія точной науки и эмпириі философъ быстро и рѣшительно перешелъ на точку зрѣнія идеализма. Этотъ-то переходъ, этотъ интересный „оборотъ“ мысли и составляетъ содержаніе втораго акта изучаемой нами философской драмы.

Въ томъ отдѣлѣ ** второй большой философской книги Н. Н. Стрехова, который посвященъ занимающему насъ теперь вопросу, мы можемъ различить какъ бы два слоя, или два теченія мысли,—одно главное, другое побочное. Съ послѣднимъ мы уже познакомились, когда говорили объ увлеченіи философа мыслью о большей будто бы доступности нашему познанію міра внѣшняго, сравнительно съ внутреннимъ. Что же касается главнаго теченія, то здѣсь

* Ibid., стр. 29—36

** Объ основныхъ понятіяхъ психологіи (стр. 1—87 выше цитированной книги; трактатъ помѣченъ 1878 г.).

Н. Н. Страхонъ всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія Декарта. Съ разъясненія ея онъ и начинаетъ книгу.

Въ концѣ концовъ,—разсуждаетъ онъ совершенно въ духѣ Декарта,—достовѣрно для насъ все же лишь наше собственное существованіе, по извѣстной формулѣ: „мыслию; очевидно, существую“ (cogito, ergo sum). Да, только это очевидно! Только наши внутреннія состоянія намъ несомнѣнно и вполнѣ достовѣрно извѣстны. Что у меня есть опредѣленные представленія, чувствованія и желанія,—я это знаю. Но что *имъ соответствуетъ* нѣкоторая дѣйствительность, нѣчто внѣшнее,—это для меня еще вопросъ. Говоря строго, всѣ событія исторіи, всякое дѣло и всякое знаніе, по своему первоначальному смыслу, есть лишь рядъ или система психическихъ явленій, и цѣлый міръ, съ безчисленными солданами, имѣетъ лишь значеніе маленькой группы свѣтовыхъ ощущеній. Вотъ почему все наше знаніе, вся наша бодрственная жизнь, удивительно похожа на сонъ,—такъ похожа что мы были бы очень затруднены еслибы кто-нибудь потребовалъ отъ насъ доказательствъ что она не есть сонъ...

Итакъ, что же, ужели, въ самомъ дѣлѣ, все что мы переживаемъ, что видимъ и знаемъ, чувствуемъ и желаемъ,—все это есть лишь сонъ и призракъ? Ужели нѣтъ средствъ освободиться отъ этого кошмара и выйти изъ тисковъ сомнѣнія?

Есть одно въ нашей жизни что стоитъ выше всякихъ сомнѣній. Это—самый процессъ, самый фактъ сомнѣнія. Я говорю: голубой небесный сводъ, быть-можетъ, не существуетъ. Да. Но по крайней мѣрѣ онъ *мнѣ представляется существующимъ, а его вижу*. Это для меня несомнѣнный фактъ. Все остальное можетъ быть или не быть, но мои внутреннія явленія, уже существующія, для меня не быть не могутъ. Вся моя жизнь и весь мой міръ, можетъ быть, только сонъ, но этотъ сонъ *мнѣ* несомнѣнно *снится*. Этотъ сонъ—*мой* сонъ; эти

представленія и образы—*мои* представленія и образы; эти чувства и стремленія *во мнѣ* совершаются, существуют *внутри меня*. Все это мое, и я, которому все это принадлежитъ, очевидно, существую.

Та яркая дѣйствительность, которую мы называемъ внѣшнимъ міромъ, и которая одна только казалась намъ сначала несомнѣнною и вполне достоверною, теперь отступаетъ на второй планъ. Она является лишь выводомъ, предположеніемъ и условіемъ нашей внутренней жизни. Мы лишь *умозаключаемъ* о существованіи внѣшняго міра, объ его отличіи и независимости отъ міра внутренняго,—умозаключаемъ, руководясь такимъ критеріемъ: *все что можетъ быть подвержено сомнѣнію, что можно представить себѣ являющимися во снѣ, составляетъ внѣшній міръ; все же остальное, что одинаково существуетъ и во снѣ и въ бодрственномъ состояніи, принадлежитъ нашему внутреннему міру.* * Разграниченіе сферъ для эмпирика довольно поучительное, дающее уже заранѣе много шансовъ идеалисту!

Центръ тяжести въ нашемъ міропониманіи теперь переставленъ. Сначала мы искали точки опоры во внѣшней дѣйствительности; но, когда оказалось что она, въ сравненіи со внутреннимъ міромъ, есть нѣчто спорное и сомнительное, — приходится искать опоры въ чемъ-либо иномъ. Но въ чемъ же?

Наша внутренняя жизнь обыкновенно смутна и непостоянна. Но даже и въ томъ случаѣ когда она бываетъ ясна и устойчива мы признаемъ ее чѣмъ-то какъ будто недѣйствительнымъ въ сравненіи съ чѣмъ-то другимъ, вполне реальнымъ. Чтобы явленія внутренняго міра получили для насъ вполне реальное значеніе, мы требуемъ отъ нихъ согласія съ чѣмъ-то другимъ. Именно наши мысли должны выражать *истину*, наши чувства должны быть *чисты*, и все наше настроеніе долж-

* Ibid, стр. 22.

но имѣть характеръ *святости*; наши желанія должны быть *свободны* отъ рабства предъ всемъ низменнымъ и чувственнымъ...

Итакъ, идеи истины, святости, или нравственнаго блага, и свободы,—вотъ условія нашей *дѣйствительной* жизни, и, какъ *условія*, эти идеи очевидно эмпирически ни изъ чего не выводимы. Онѣ имѣютъ какое-то высшее и таинственное происхожденіе. Въ этихъ-то идеяхъ и лежитъ, по мысли нашего философа, ключъ къ пониманію всей дѣйствительности, сначала нашей внутренней, а затѣмъ и всей вообще, и съ нихъ-то именно и должна была бы начинаться психологія, такъ какъ безъ нихъ „нельзя имѣть представленія о душѣ и ея жизни“.*

II.

Что человѣкъ есть матерія, что онъ подчиняется всемъ законамъ механики, физики и химіи,—все это для него не существенно. Существенно же для него то что онъ способенъ знать истину и свободно стремиться къ нравственному благу.

Тезисъ для нѣкоторыхъ мыслителей, быть-можетъ, спорный. Но поставленъ онъ, очевидно, ясно: по этому признаку мы можемъ точно отграничить человѣка отъ всего остальнаго міра.

Какъ теперь обстоитъ дѣло относительно животнаго царства и всего вообще органическаго міра? Если и въ немъ есть нѣчто высшее простой матеріи и механизма, то задача философа—точно указать это высшее начало. И нашъ философъ не отклоняется отъ себя этой задачи. Напротивъ, какъ естествовѣдъ по специальности (Н. Н. Страховъ, какъ извѣстно, кончилъ курсъ на естественномъ факультетѣ), онъ съ особеннымъ интересомъ останавливается на этой трудной и сложной проблемѣ. Вотъ сущность его положительныхъ взглядовъ.

* Ibid, стр. 85.

Человѣкъ дѣлаетъ человѣкомъ, то есть утверждаетъ и сохраняетъ его въ его человѣческомъ достоинствѣ, нѣкоторая Высшая Сила, Которая, открываясь ему какъ истина и благо, возбуждаетъ въ немъ стремленіе къ истинно-человѣческой, духовной жизни. Подобнымъ же образомъ и животное царство держится и сохраняется въ своихъ свойствахъ и особенностяхъ тою же Высшею Силою.

Опираясь на авторитетъ знаменитаго французскаго физиолога, Клода Бернара, а позднѣе — нашего извѣстнаго ученаго и писателя, Н. Я. Данилевскаго, Н. Н. Страховъ опредѣленно высказался за особый идеально-творческій или, выражаясь технически, „морфологическій“ принципъ, какъ основу и объясняющее начало жизни. По знаменитой формулѣ Клода Бернара, *Жизнь есть твореніе*, то есть въ организмѣ всегда присутствуетъ *идея*, которая его *творитъ*, — заправляетъ его морфологическимъ процессомъ. Приведа и истолковавъ эту формулу, Н. Н. Страховъ продолжаетъ:

„Безъ сомнѣнія, это самое простое и самое опредѣленное выраженіе дѣла. Развитие организма совершается по нѣкоторому, заранее установленному, плану, который поэтому подобенъ идеѣ, существующей прежде ея исполненія. И совершается развитіе вовсе не въ силу свойствъ матеріала составляющаго организмъ, а лишь по сообразованію съ его планомъ, слѣдовательно подобно творенію, — подобно дѣйствию вносящему въ сферу вещей то чего въ ней не было и не могло быть безъ этого дѣйствія.“ Конечно, — оговаривается философъ, — „все это лишь подобія, а не точныя формулы. Нельзя остановиться на понятіи идеи. Идея предполагаетъ своего носителя, нѣкоторое существо способное имѣть идеи, слѣдовательно, духовное существо, нѣкоторую душу... Но душа, по обыкновенному понятію о ней, есть способность *многихъ*, подлежащихъ выбору, дѣйствій. Между

тѣмъ душа растенія или животнаго имѣетъ только *одну* идею, — идею этого опредѣленнаго организма; точно такъ же она можетъ совершать только *одну* дѣятельность, — именно творить этотъ организмъ, и притомъ должна совершать ее съ необходимостію, не можетъ не совершать... Поэтому, если мы чувствуемъ потребность относить духовныя проявленія къ извѣстному существу, какъ къ ихъ источнику, то, конечно, всего правильнѣе будетъ отнести эти идеи и эти акты воли не къ душамъ или духамъ, витающимъ на землѣ и въ небесахъ, а прямо къ той непостижимой причинѣ, къ которой въ концѣ концовъ приходитъ всякое наше познаніе и мышленіе.“*

Таково рѣшеніе трудной проблемы, подсказанное нашему философу знаменитымъ французскимъ натуралистомъ. Онъ принялъ его, но не остановился на немъ. „*Такое рѣшеніе* всего вопроса, — говоритъ онъ вслѣдъ за приведенными словами, — конечно, будетъ *и правильно, и неопровержимо*: все происходитъ отъ Бога и все по волѣ Его совершается. *Но такая общая и отвлеченная мысль*, хотя часто можетъ быть достаточна для нашего сердца, *не можетъ, однако, удовлетворять нашего ума и ни мало не упраздняетъ научныхъ задачъ*. Въ словѣ *все* сливается въ одинъ хаосъ — общее и частное, необходимое и случайное, причины и слѣдствія, духъ и вещество, небо и земля. Анализируя окружающую природу, *мы, очевидно, стремились* внести въ наше созерцаніе *связь, порядокъ, ясное различеніе и отчетливую іерархію явленій*.“ **.

Повинуясь именно этому стремленію къ установкѣ „отчетливой іерархіи явленій“, Н. Н. Страховъ ищетъ опредѣленныхъ *законовъ* жизни, — законовъ „*органогеніи и органотрофіи*“, то-есть законовъ управляющихъ процессами воспроизведенія какъ элементовъ, тканей и частей организма,

* Ibid, стр. 171—174, passim.

** Ibid, стр. 174.

такъ и цѣлыхъ организмовъ; процессами размноженія, полового и безполового, наследственности, развитія и т. д. При этомъ онъ исходитъ изъ убѣжденія что, какъ вообще природа „не есть что-нибудь зыбкое и случайное“, * такъ и морфологическіе процессы подчинены опредѣленнымъ и неизмѣннымъ законамъ, съ которыми намъ остается только сообразоваться, не мечтая измѣнить ихъ. Какъ существуютъ неизмѣнные законы органической жизни, такъ должны существовать и устойчивые типы организмовъ, что мы и находимъ въ опытѣ. „Существованіе же общихъ типовъ и ихъ сохраненіе во многихъ и различныхъ формахъ, само собою разумѣется, требуетъ скачковъ между типами: безъ скачковъ организмы сливались бы во всякихъ направленіяхъ, и о типахъ не могло бы быть и рѣчи. ***

Само собою понятно что, съ точки зрѣнія только-что характеризованныхъ нами началъ своей философіи живой природы, Н. Н. Страховъ могъ относиться къ дарвинизму только отрицательно. Когда явилась (въ 1885 году) извѣстная книга о дарвинизмѣ Н. Я. Данилевскаго, взгляды Страхова уже успѣли опредѣлиться вполне, и ихъ согласіе, въ общемъ, со взглядами Данилевскаго естественно содѣйствовало развитію въ немъ увѣренности въ ихъ правильности. Онъ выступилъ съ горячею статьей о книгѣ Данилевскаго и, когда эта статья вызвала отпоръ со стороны профессора Тимирязева, естественно не захотѣлъ оставаться въ долгу. Къ сожалѣнію, несдержанность полемистовъ, ихъ постоянное уклоненіе съ научно-объективной точки зрѣнія на почву личныхъ характеристикъ и укоровъ, уменьшаютъ интересъ полемики и затемняютъ нить параллельной аргументаціи. Тѣмъ не менѣе, взглядъ Страхова высказанъ въ ней все же достаточно опредѣленно.

Дарвинизмъ, по взгляду Страхова

* Ibid., стр. 208.

** Ibid., стр. 178.

(и Данилевскаго), есть весьма шаткая гипотеза, — гипотеза лишенная твердой фактической основы, несвободная отъ внутреннихъ противорѣчій, приводящая, въ своихъ выводахъ, къ чисто механическому міросозерцанію и потому оскорбляющая наше живое чувство (прежде всего эстетическое, а затѣмъ и нравственно-религіозное). Дарвинъ, по Страхову, въ сущности телеологъ (защитникъ цѣлесообразности). Но онъ усваиваетъ цѣлесообразную дѣятельность *внѣшней*, „слѣпой“ природы, вмѣсто того чтобы усвоить ее внутреннему принципу. Морфологическій процессъ, во первыхъ, есть процессъ *внутренній*, то-есть опредѣляемый и регулируемый не внѣшними обстоятельствами, а закономъ присущимъ самимъ организмамъ, и, во вторыхъ, процессъ *разумный*, то-есть цѣлесообразный, предполагающій предварительную (сознательную или бессознательную, — это вопросъ открытый) постановку цѣлей, которыми опредѣляются и типы живыхъ существъ. Въ сравненіи съ этою *истинною телеологіей* телеологія Дарвина должна быть названа телеологіей ложною, *псевдотелеологіей*. *

Такова основная мысль полемики Н. Н. Страхова противъ дарвинизма. Poleмика касается, сверхъ этого, и многихъ частныхъ. Но затрогивать ихъ мимоходомъ неудобно: онѣ слишкомъ спеціальны и требуютъ детальнаго изученія.

III.

Дарвинизмъ представлялся нашему философу явленіемъ не только научно несостоятельнымъ, но и совершенно уродливымъ, — настолько уродливымъ что онъ серьезно ставилъ его въ рядъ со спиритизмомъ и былъ убѣжденъ что, „сколько бы любопытныхъ частныхъ ни собрали натуралисты на этой, *отводящей въ сторону*, дорогѣ, рано или поздно имъ придется вер-

* *Борьба съ западомъ*, Слб. 1890 г., гдѣ перепечатаны полемическія статьи Н. Н. Страхова о дарвинизмѣ, появившіяся сначала въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

нутъся къ правильнымъ путямъ изслѣдованія“.*

Тѣмъ не менѣе, дарвинизмъ отчасти и смуцалъ философа,—несмотря на свою уродливость, казался ему явленіемъ довольно грознымъ.

„Нашъ вѣкъ хочетъ познавать, но упорно отказывается мыслить“,** а между тѣмъ дарвинизмъ, какъ и спиритизмъ, хочетъ именно расширить область нашего познанія открытіемъ новыхъ фактовъ и, въ то же время, освобождаетъ отъ обязанности логически строго мыслить. Да, освобождаетъ! Какъ дарвинизмъ, такъ и спиритизмъ, грѣшатъ, по мнѣнію Н. Н. Страхова, именно тою, общою имъ обоимъ, логическою ошибкой что некритически смѣшиваютъ разнородныя области бытія,—бытія матеріальнаго и духовнаго. Спиритизмъ хочетъ „материализовать“ духъ, сдѣлать его осязаемымъ, а дарвинизмъ въ бессмысленномъ и случайномъ ищетъ разгадки цѣлесообразнаго: природа ошибки одна и та же,—одна и та же спутанность разнородныхъ категорій и точекъ зрѣнія.

Не трудно опредѣлить заранее какое направленіе должна была принять мысль нашего философа, въ виду такихъ настроеній современныхъ умовъ.

Дарвинисты и спириты злоупотребляютъ фактами, а иногда и прямо ихъ измышляютъ: очевидно, необходимо сдержаннѣе относиться ко ссылкамъ на факты. Они пренебрегаютъ законами трезвой логики: очевидно, необходимо энергично вступить за ея права. Наконецъ, они смѣшиваютъ различное, смутываютъ разнородныя области: очевидно, необходимо какъ можно строже ихъ разграничить. Вотъ новыя задачи!

Въ своей книгѣ: *О вѣчныхъ истинахъ* (1887), Н. Н. Страховъ съ жаромъ и силою возстаетъ противъ указанныхъ ненормальностей въ

* *Миръ какъ уголъ*, предисл. ко 2му изд., стр. XVI.

** Ibid., стр. XIX.

строѣ современной умственной жизни.

И прежде всего онъ вооружается противъ злоупотребленія ссылками на факты, противъ узкаго эмпиризма. „Гегель говаривалъ,—читаемъ мы здѣсь,—что чистыми эмпириками могутъ быть только животныя, а не люди. Но я полагаю,—говоритъ Н. Н. Страховъ,—что великій философъ ошибся: эта противоестественная точка зрѣнія могла быть придумана только людьми, только учеными, вообразившими что они могутъ передѣлать умъ человѣческой и усиливающимися удержать его въ положеніи невозможномъ для равновѣсія. Намъ говорятъ чтобы мы не выдавали и судить не смѣли. Но, помилуйте, что же тогда будетъ съ нами? Что было бы еслибы, на примѣръ, каждую минуту ко мнѣ могъ явиться *духъ чистаго эмпиризма*, въ родѣ Сократовскаго демона, и вдругъ сказать мнѣ: „ты не видалъ, такъ и не суди“. Тогда вѣдь просто не было бы житья на свѣтѣ!“...*

Искусительный духъ эмпиризма, такъ - называемаго точнаго знанія, какъ видимъ, пересталъ уже теперь производить обаяніе на философа: онъ уже его больше не слушаетъ. Онъ не прочь, пожалуй, провѣрять свои выводы опытами, но—опытами совсѣмъ иного рода, какихъ не знаетъ эмпиризмъ: „очень любезны мнѣ такіе опыты,—говоритъ философъ,—которые можно дѣлать не въ лабораторіи, а у себя дома, не поднимаясь съ мѣста и не касаясь ни до чего руками, опыты мысленные, эксперименты надъ нашими понятіями“. ** Эти опыты, и только они одни, могутъ привести къ *вѣчнымъ истинамъ*, то-есть къ такимъ истинамъ которыя долженъ принять всякій кто правильно мыслить, безъ различія времени и мѣста, и которыя должны лечь въ основу всѣхъ нашихъ научныхъ построеній.

Утвердившись на этой неподвиж-

* *О вѣчныхъ истинахъ*, стр. 16—17.

** Ibid., стр. 117.

ной и устойчивой точкѣ, Н. Н. Страховъ рѣзкими и яркими штрихами разграничиваетъ духовное и матеріальное. Въ конкретныхъ существахъ и предметахъ эти два начала даны въ единствѣ; но это отнюдь не уполномочиваетъ насъ сводить одно на другое и, тѣмъ болѣе,—выводить духовное изъ матеріальнаго.

Въ самомъ дѣлѣ, чтò такое вещество?

„Подъ веществомъ или матеріей“, писалъ Н. Н. Страховъ еще въ своей книгѣ: *Миръ какъ цѣлое*,— „мы прежде всего разумѣемъ такъ-сказать *материаль*, изъ котораго состоитъ вещь. Такъ, мы спрашиваемъ: *Изъ какого вещества* сдѣлана эта ложка? *Изъ чего* состоитъ гора? Въ такомъ смыслѣ вещество необходимо противопоставляется *формѣ* и всѣмъ другимъ пространственнымъ отношеніямъ. Самому веществу мы не приписываемъ никакой существенной формы, считая его безформеннымъ; форму же полагаемъ *приданною* веществу, слѣдовательно, зависящую отъ чего-то другаго, внѣшняго.

Точно также вещество не имѣетъ и движенія; движеніе дается ему извнѣ. Еще общѣе — *вещество противопоставляется каждому дѣйствию или явленію*. Такъ, мы спрашиваемъ—какое вещество даетъ такой-то вкусъ? Какое даетъ такой-то цвѣтъ? Вкусъ и цвѣтъ мы противопоставляемъ *тому чтò* производитъ этотъ вкусъ и этотъ цвѣтъ. *Силою*, въ самомъ общемъ смыслѣ слова, мы называемъ *способность дѣйствовать* такъ или иначе; такъ что для каждаго явленія необходимо не только чтобы было нѣчто производящее явленіе, но, кромѣ того, чтобы это нѣчто имѣло *силу* производить это самое явленіе. Вслѣдствіе такого уметвеннаго процесса, *вещество необходимо считается чтѣмъ-то бездѣйственнымъ*: оно не есть вещь или явленіе, а только то изъ чего состоитъ вещь или явленіе и чтò производитъ явленіе; сила же есть то чтò изъ вещества составляетъ вещь и чтò въ немъ производитъ явленіе. Полагая

что вещество недѣятельно, мы тѣмъ самымъ приписываемъ дѣятельность чему-то другому, именно силѣ.“ *

Но если, такимъ образомъ, вещество противоположно силѣ, какъ бытіе „самонедѣятельное“ началу *самодѣятельному*, то для того чтобы образовать ясное понятіе о веществѣ, очевидно, необходимо отвлечь отъ него силу. А для этого необходимо сначала опредѣлить природу силы самой въ себѣ. „Нужно найти силу въ полномъ смыслѣ *живую*, то-есть внутреннюю, не механическую; нужно открыть ея законъ, не математическій, но служащій основою всѣмъ математическимъ законамъ. Чтобы понять жизнь вещества, „нужно проникнуть въ эти внутреннія біенія его пульса, нужно мысленно постигнуть глубокія движенія его сущности“. **

Такъ поставилъ философъ конечную цѣль своихъ поисковъ. Темой его дальнѣйшихъ работъ, по его собственному выраженію, было—„показать полнѣйшую противоположность вещества духу и очистить самое понятіе духа отъ малѣйшей примѣси матеріалистическихъ представленій“. ***

И мы видѣли съ какою настоячивостію стремился онъ къ этой цѣли, когда устанавливалъ самостоятельность духовнаго начала въ человѣкѣ и духовность морфологическаго принципа въ мирѣ органическомъ.

Но если мы отвлечемъ отъ понятія матеріи всякую активность, чтò останется? Чѣмъ окажется тогда вещество? Тогда,—отвѣчаетъ философъ,— „вещество можетъ быть вполне поставлено на ряду съ пространствомъ и временемъ, то-есть *окажется однимъ изъ понятій* безъ которыхъ нельзя мыслить физическихъ явленій“. † Итакъ, *вещество*, если взять его философски, въ отвлеченіи ото всего инороднаго и его природѣ чуждаго, превращается въ понятіе, въ одно изъ условій мыслимости міра фи-

* *Миръ какъ цѣлое*, стр. 469—470.

** *Ibid.*, стр. 474.

*** *Борьба съ Западомъ*, Слб. 1890, стр. 278.

† *О вѣчныхъ истинахъ*, стр. 110.

зическаго! Тезисъ, какъ видимъ, чисто идеалистическій.

Мысль философа теперь совершила свой „оборотъ“. Зародыши идеалистическаго міропониманія, спорадически встрѣчавшіеся уже въ первыхъ его работахъ, расторгли узкую и тѣсную оболочку въ которой были заключены сначала,—оболочку точной науки и эмпири,—и разрослись въ цѣлое дерево, вѣтвями и отростками своими закрывшее яркій и конкретный міръ представленія. Философскій анализъ *разложилъ* этотъ міръ на элементы, и оказалось что дѣйствительно существуютъ лишь два идеальныя, умопостигаемыя начала: „самонедѣятельный“, лишенный всякой активности, субстратъ вещественнаго міра и живая духовно-разумная сила. Весь міръ, со всѣмъ его разнообразіемъ, со всѣми его цвѣтами и красками, со всею полнотою его жизни, есть произведеніе этихъ двухъ силъ — произведеніе таинственное, непостижимое,

творческое въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова.

Вотъ результатъ! Два идеальныя начала, активное и инертное, живое и безжизненное: вотъ предъ чѣмъ въ концѣ концовъ остановилась мысль философа!

Мы прослѣдили тотъ путь который велъ его отъ конкретныхъ явленій къ этимъ идеальнымъ началамъ: ясенъ ли для него былъ путь обратный? Онъ разрушилъ живой и конкретный міръ, разложилъ его на его элементы: но воссоздалъ ли онъ снова этотъ міръ силою своего философскаго синтеза?

Вотъ вопросъ, отвѣтомъ на который должно опредѣляться наше окончательное сужденіе о внутреннемъ смыслѣ и значеніи философіи Н. Н. Страхова. Разъясненіе этого вопроса должно показать намъ, имѣемъ ли мы предъ собою въ его сочиненіяхъ законченную и связную „систему“, или лишь разрозненные листки и фрагменты.